

Народ наш нужно просто не обижать

28 марта 2016 г.

Протоиерею Владимиру Воробьеву, основателю и ректору Православного Свято-Тихоновского Университета, настоятелю храма свт. Николая в Кузнецях исполнилось 75 лет. В интервью Правмиру отец Владимир рассказывает о своем видении проблем образования и науки, о том, как он отменил платы за требы, как относиться к почитанию Сталина, и что он думает о будущем России.

Отец Владимир, хотелось бы начать с разговора о главном деле вашей жизни – об университете. Почему вы вложили все свои силы в создание института, затем университета, а не в преподавание в уже существующем учебном заведении, например в Московской духовной академии?

Представьте себе ситуацию в нашей стране и в Церкви, когда началась Перестройка. Вдруг рухнула почти вековая советская система, явилась свобода, но было совершенно неясно, что будет дальше.

События развивались стихийно. Народ, уставший от советской идеологической жвачки, жаждал услышать свободное слово Церкви. Ведь при советской власти даже евангелие «достать» было очень непросто.1M0A1789

Отвечая на эту «жажду слышания Слова Божия», как говорил святитель Игнатий Брянчанинов, мы – молодые тогда священники, открыли лекторий. В нем читали самые разные лекции о Православии, а потом отвечали на бесчисленные вопросы.

Сначала мы ничего не планировали, а делали то, что казалось необходимым в тот момент. Наши слушатели стали нас просить устроить систематическое образование: сначала мы открыли катехизаторские курсы, потом – опять-таки по просьбам учащихся – превратили их в Богословский институт. Позже наш институт получил аккредитационный статус университета.

Всё происходило настолько естественно, что было ясно: это нужно делать.

В ходе этой образовательной деятельности стало понятно, что наши духовные школы, занимаясь почти исключительно подготовкой только будущих клириков, иконописцев и певчих в условиях интерната, принимая только мужчин, не имеющих канонических препятствий для рукоположения, не могут удовлетворить запрос всего церковного общества. Большинство людей, желающих получить православное богословское образование, там учиться не может.

Вот для таких людей, остававшихся «за бортом духовных школ», мы всё и делали.

Сначала в духовных школах думали, что мы у них отберем абитуриентов, но вскоре стало ясно, что это совсем не так, потому что вечерники, составлявшие у нас основной контингент, не имели возможности к ним поступить. Но оказалось, что именно эти вечерники в большинстве своем являются сформировавшимися, созревшими, имеющими жизненный опыт людьми, решившими оставить все свои дела и посвятить себя на служение Богу. Из них вышли очень многие хорошие священники.

Стали поступать к нам и женщины, девушки, и стало ясно, что нужны не только богословский, певческий и иконописный факультеты, но и миссионерский, педагогический, потом еще исторический, филологический – так постепенно вырос университет.

В чем на сегодня состоит основное отличие образовательной модели университета от образовательной модели наших семинарий и духовных академий?

С самого начала мы ориентировались именно на университетское образование, потому что наши первые преподаватели были выпускниками Московского университета. По собственному опыту нам была известна модель университетского образования. Её мы и хотели реализовать для образования богословского.

В чем её отличие от семинарской модели образования?

Темп, ритм, лекционная система, тогда еще новая для семинарии. Сессии, зачеты, семинары, студенческие и научные конференции. В таком, традиционном для университета виде мы строили обучение.

Семинария раньше была только промежуточным учебным заведением между академией и училищем, она давала среднее образование. Мы стали строить высшее университетское образование. Кроме того, у нас вначале не было общежития, студенты, как обычно, жили вне вуза.

В университете ведется еще и интенсивная научно-исследовательская работа?

Да, конечно. И научная работа, которой в духовных школах очень не хватало, и практика. Обязательно пишутся дипломные работы – поначалу они тоже не требовались от семинаристов. Теперь многие семинарии стали высшими учебными заведениями, может быть, и наш пример воодушевил их на такое развитие.

А большой ли процент выпускников принимает духовный сан, становится священниками?

Точную цифру назвать трудно, потому что рукоположения совершаются не сразу после окончания университета, а во времени. Выпускники обычно уходят от нас мирянами, а через какое-то время рукополагаются.

Думаю, что на сегодняшний день из наших выпускников примерно 600 стали священниками.

Это, наверное, значительное большинство среди тех выпускников, которые поступали в университет, желая стать священнослужителями и не имея к этому канонических препятствий. При этом они все имеют дипломы о высшем богословском образовании государственного образца. Это значит, что государство на легитимном уровне признало православное богословское образование.

Православное образование – модно ли это в нашем обществе?

Нельзя сказать, что наше образование является модным. В перечне трудовых специальностей нет графы «теолог». Получается, что теологи, не ставшие священнослужителями, как бы «по определению» должны работать не по специальности.

Те, кто не становятся священниками, трудятся в самых разных областях. Кто-то преподает, кто-то занимается наукой. Кто-то идет в СМИ или на административную службу. Некоторые находят работу, никак не связанную с богословским образованием. Один наш выпускник, причем хороший, работает в банке, кто-то устроился в офисы. В вузах наши специалисты бывают востребованы, потому что у них есть кругозор, которого не хватает в светских гуманитарных вузах. Например, наши выпускники нередко с успехом поступают в аспирантуру МГУ.

Мы не жалеем о том, что наши выпускники работают в светских учреждениях, потому что уверены: православные люди, грамотные, интеллигентные, думающие нужны всюду. Они необходимы нашей стране и нашему народу. Такие люди приводят к вере других, это факт.

Чему, по Вашему мнению, совершенно необходимо научить молодых священников?

–Конечно, мы хотим, чтобы у них была глубокая, продуманная вера. Чтобы они были по-настоящему образованными людьми, имеющими богословские знания, знающими историю Церкви. Но самое главное для священника – его духовная жизнь. Если человек не стремится всем сердцем служить Богу, жить чисто, его в священники рекомендовать нельзя.

В чем сегодня состоит особая сложность пастырского служения? Теперь не требуется исповеднический подвиг, как это было в советское время. В чем основная трудность?

Исповедничество можно понимать по-разному. Сейчас в нашей стране нет преследований за веру, но всё равно священнику приходится «плыть

против течения», потому что весь мир сегодня движется не ко Христу, а от Христа.

Даже не формулируя каких-то явных антицерковных целей, современное общество по большей части устремлено в сторону «от Церкви». Священник живет в обществе, среди людей, ему постоянно нужно выдерживать напор этого «течения», которое всё время стремится его куда-то «снести».

Священник должен жить по принципам, отличным от тех, по которым живёт большинство мирян. Прежде всего, он не должен заботу о достатке ставить «во главу угла» в своей жизни.

Настоящая священническая жизнь, служение Богу в широком смысле всегда бывает исповедническим подвигом. А в узком смысле мы называем исповедниками тех, кто во время гонений пострадал за веру во Христа, но не до смерти.

А как быть с содержанием семьи?

Священник должен жить на то, что Бог пошлет. Когда священник искренне служит, то Господь помогает, прихожане не оставляют. Лучшим ответом на этот вопрос являются слова пророка Давида: «Я был молод и состарился, и не видел праведника оставленным и потомков его – просящими хлеба».

Вы, руководствуясь этими словами, в самое голодное время отменили плату за требы?

Да, мы так воспитаны были. Я никогда не мог представить, как можно брать деньги за совершение святых таинств.

Это было, наверное, очень сложное решение, потому что оно касалось не только вас...

К моему удивлению, это решение оказалось очень простым. Я только сказал своим собратьям: «Давайте не будем брать деньги за таинства, которые мы совершаем». И все сразу согласились. Мы тут же повесили соответствующее объявление.

Доход нашего храма буквально «рухнул». Кто-то сказал: «отец Владимир сошел с ума».

Прошло очень короткое время, и Господь послал нам благодетелей, которые до сих пор содержат наш университет, а в наших храмах отремонтировано теперь буквально всё – поменяли крышу, полы, окна, систему отопления, электропроводку, заново позолотили иконостасы, всю территорию благоустроили, построили дома. Мы бы никогда столько денег в храме не получили, если бы брали плату за требы. Господь сторицей воздает тем, кто трудится в Церкви бескорыстно.

Отец Владимир, вы – выпускник физфака МГУ, кандидат физико-математических наук, сотрудник вычислительного центра Академии наук СССР, как вы оцениваете сегодняшнее состояние высшего образования в целом в нашей стране?

Я не достаточно осведомлен в числовых оценках проводившихся в последние десятилетия реформ образования, но мне кажется, они не только не достигают декларируемых целей, но и не приносят существенной выгоды нашему государству.

Боюсь, что проведение самих реформ стоит больше, чем стоило дореформенное образование. Кроме того, качество образования, которое было в нашей стране до реформ, было достаточно высоким, и я не уверен, что оно стало лучше в результате реформ. Реформы, конечно, нужны, т.к. жизнь не стоит на месте, но осуществить действительно разумные улучшения в такой огромной системе, какой является образование в нашей стране, не так-то просто.

Сейчас мы видим, что создана колоссальная бюрократическая система и в центре, и на местах, сама поглощающая огромные средства и заставляющая образовательные учреждения работать на себя в гораздо большей степени, чем раньше. Мы все буквально тонем в море бумаг – отчетов, предписаний, положений, непрерывно меняющихся требований. Заниматься реальной работой – образованием, наукой становится просто

некогда. И результат налицо – качество нашего образования повсеместно снижается. Думаю, это особенно заметно и особенно трагично в области естественных наук и высоких технологий.

А в чем Вы видите принципиальные проблемы современного общества, воспитания нового поколения?

Общество стало другим. Современные дети уже в школе все больше думают и говорят о деньгах. Студенты думают о деньгах. Все ориентируются на будущие высокие заработки. Больше всего современную молодежь интересует именно материальная жизнь. Когда мы учились, нас интересовала наука. Я вообще никогда о деньгах не думал. Когда еще не был священником, тоже никогда не искал себе высокую зарплату. Выбирал такое место, чтобы меньше платили, но интереснее было бы работать.

Многие так жили, о деньгах, как теперь, никто не думал, хотя уровень жизни у нас был намного ниже, чем теперь.

Видимо, есть такая закономерность: потеряв духовную высоту жизни в православной вере, наш народ оказался на более низком уровне, будучи в некотором смысле увлечен идеологией, насаждавшейся коммунистами. А, разочаровавшись в идеологии, опустился еще ниже на уровень одних только материальных интересов.

Что сегодня больше всего беспокоит, если говорить о проблемах с образованием? Вроде бы не сильно поменялись учебники, вроде бы многие учителя остались еще с советского времени...

Уровень очень снизился просто потому, что многие талантливые преподаватели, талантливые ученые уехали. Мы переживаем своего рода исход из России. Наша наука, наше образование в значительной своей части уехали в Америку, в Европу и там оказались очень востребованными. А на Родине наши ученые, инженеры не могут найти места, где будут реализованы их таланты.

Ну и смена парадигмы, как говорят. У нашего общества теперь другие ценности. Ученость, образованность теперь не в чести. Главный вопрос ни

«во что ты веришь?», ни «чем ты занимаешься?», а «сколько ты получаешь? какой у тебя доход?».

Это вопрос даже не столько о богатстве, сколько о том, как жить и работать на деньги, которые платят...

Вопрос, конечно, важный: как жить, как семью свою содержать, где жить и как квартиру получить, но есть и другое. Даже если человек не думает об условиях жизни. Условий для работы нет! Нет того уровня науки, который был раньше. Прежде наша наука была на первом месте в мире, а сейчас нет.

А что вы думаете о реформе Академии наук, которая проводится последние три года?

Понятно, что имеет место застой. Он начался еще при советской власти. Возникли какие-то маргинальные направления в жизни Академии наук. Нельзя сказать, что не было причин ставить вопрос о реформах. Вопрос в том – какие реформы? Нужно же преобразовывать так, чтобы главное не потерять, чтобы стало лучше, а не хуже. Я не уверен, что это получается.

Академия наук является огромной структурой, которая накопила колоссальный научный потенциал, создала мощную научную школу. С ней обращаться легкомысленно нельзя. Школа всегда держится на старшем поколении, которое, может быть, уже не столь активно творчески, но является носителем бесценного опыта. И, как в семье уважают дедушку, бабушку, отца и мать, так и в любом учреждении, в любом обществе необходимо ценить старшее поколение. Кроме того, у старшего поколения есть имидж, что тоже очень важно.

Есть ли сегодня какое-то взаимодействие между наукой церковной и наукой светской? Можете ли вы рассказать о каких-то интересных примерах?

Есть, конечно. Больше всего это заметно в русской истории, потому что история России неразрывно связана с историей Русской Церкви. Эта связь была абсолютно забыта в советское время, и вся история России оказалась в значительной степени фальсифицирована. Сейчас этот пробел может быть восполнен, историки это понимают, они очень интересуются историей Церкви. Даже на историческом факультете МГУ открылась кафедра истории Церкви.

Подобным образом обстоит дело и на философском направлении. Философия при советской власти была настолько партийной дисциплиной, что теперь не просто вернуться к русской религиозной философии, но определенный задел есть. Русской религиозной философией занимаются теперь и в светских вузах. Многим в наше время интересна церковная наука, потому что она тоже движется вперед.

При вашем самом активном участии удалось ввести теологию в список научных дисциплин ВАК, какое это имеет значение? Расскажите о том пути, который пришлось пройти?

Без ложной скромности скажу, что это действительно главным образом результат работы нашего университета. Мы боролись с самого начала за то, чтобы исчезло противопоставление между светским образованием и образованием религиозным.

В прежнем законе «О свободе совести» было четко написано, что религиозное образование – это подготовка клириков, что, конечно, не может соответствовать действительности. Религиозным образованием является любое образование, которое основывается на религиозном мировоззрении. Такое образование при советской власти было полулегальным – оставались только три духовные школы, и их дипломы государством не признавались.

То есть оно было в рамках только немногочисленных учебных учреждений?

Только в семинариях и в духовных академиях. С огромными трудами нам удалось сделать религиозное образование вполне легитимным и доступным. Сегодня в программу светской школы включены «Основы

православной культуры», существуют православные школы, православные вузы, кафедры теологии в светских вузах, разработан профессиональный государственный стандарт по теологии. Теперь теология есть и в системе ВАКа.

Принято решение об учреждении ученых степеней – кандидата и доктора теологии. Сейчас мы находимся на стадии создания православного диссертационного совета по теологии и экспертного совета по теологии в ВАКе. Значит, воздвигнутая Лениным и большевиками стена – декрет об отделении школы от Церкви – разрушена.

Свято-Тихоновский университет много сделал в области изучения житий новомучеников и исповедников российских. Как вам кажется, на сегодняшний день стало ли почитание новомучеников, исповедников значимой составляющей нашей церковной жизни?

Стало, но далеко не достаточно! Раньше я имел лишь приблизительное представление о том, в какой мере распространено почитание новомучеников. Осенью меня неожиданно назначили секретарем Синодальной комиссии по канонизации святых, и хотя я состою ее членом уже 18 лет, но на новой должности передо мной открылся другой горизонт.

Мы получаем каждую неделю пачку новых дел для рассмотрения в комиссии вопросов о канонизации ранее не канонизованных подвижников. Эти дела присылают из самых разных регионов епархиальные комиссии. Значит во многих епархиях эта работа идет, но, думаю, пока это – только начальная стадия.

А в повседневной жизни? Вот я читаю, что мало детей называют именами новомучеников, мало всё равно люди знают, мало интересуются. Вы видите какой-то выход?

В нашем храме много людей с именами новомучеников. Понемножку, конечно, расширяется почитание. С другой стороны, это же не так легко. Это то, что входит в сознание не неделями-месяцами, а годами-десятилетиями.

Почему?

Церковь, во-первых, слава Богу, консервативна. В Церкви очень большую роль играет традиция и привычка. Люди привыкли к почитанию святителя Николая, преподобного Сергия, преподобного Серафима, но как это произошло? Это складывалось десятилетиями, а то и веками! Например, преподобный Серафим был канонизирован через 70 лет, а священномученика Гермогена прославили только через 300 лет после кончины. Почитание крестителя Руси, князя Владимира как святого утвердилось только при Александре Невском. Хотя во многих княжествах его почитали святым уже в XI веке.

В сознании новых поколений почитание святости утверждается не быстро. Очень многое зависит от старшего поколения, а это современное старшее поколение было воспитано вне Церкви. Они не могут, не умеют передать почитание новомучеников, т.к. сами с детства их не почитали.

Помню, в детстве я как-то нашел дома фотографию 20-х годов прошлого века: посередине был изображен Патриарх Тихон, а рядом митрополиты Кирилл, Агафангел, Петр, архиепископы Федор (Поздеевский), Илларион (Троицкий) – ближайшие сподвижники Патриарха Тихона. Я спросил отца, и он мне рассказал о каждом из них, и я с детства их полюбил.

О канонизации тогда и мечтать было невозможно, а для меня они уже были святыми.

Нынешние родители часто не готовы передавать церковные традиции детям, не умеют воспитывать детей в церковном мировосприятии. Хочу заметить, что нередко они не могут даже научить детей молиться Богу. Либо заставляют детей ходить на всю всенощную, простаивать её целиком, либо, наоборот, разрешают им вообще не молиться.

Как учить детей?

Учить нужно, ориентируясь на возможности ребенка. Сначала приводить в Церковь причащаться, на праздники, постепенно ребенок вырастает в церковную жизнь, и ему открывается ее полнота. Должны появиться интерес и желание. А современные родители часто отбивают охоту ходить в храм с детства.

Сегодня немало говорят о новой популярности Сталина. Совсем недавно, 5 марта мы видели активное возложение венков, где-то даже иногда молебны служат. Вы сами наблюдаете ли что-то подобное и как, думаете, к этому стоит относиться сегодня?

Я с этим непосредственно сталкиваюсь, конечно, мало, потому что большая часть моей жизни проходит в храме, в университете, у нас ничего такого нет. Но когда выйдешь на улицу, то приходится видеть портреты на окнах автобусов или еще где-нибудь, или в интернете читаю новости и узнаю о том, что происходит.

Отчасти это естественно, потому что наш народ, несмотря на все злодеяния сталинского режима, почувствовал при советской власти вкус некоторого равенства: в коммунальных квартирах жили почти все. Все могли лечиться бесплатно, образование было бесплатным для всех – и школьное, и высшее. Зарплаты – примерно одинаковые у большинства людей, по крайней мере, в одном масштабе.

Тогда было немыслимо, чтобы профессор или доктор наук получал в месяц 40 тысяч рублей, а ректор университета – 40 миллионов в год, т.е. примерно в 100 раз больше. Даже партийные чиновники столько не получали.

Нынешнее расслоение общества, когда люди разбогатели, получив, например, контроль над полезными ископаемыми, непонятно людям, помнящим XX век. Тогда нефть, газ или никель считались народным достоянием. Мы не знали, как доходы от них распределяются дальше, но у всех в сознание была заложена норма, что это – достояние народа. Доказательством тому служили равные возможности в обучении, в здравоохранении и так далее.

Конечно, неравенство очень болезненно воспринимается народом, особенно тогда, когда уровень жизни падает, и в то же время люди читают и видят, как расплодился плеяда олигархов, и как коррупция проникла на все уровни жизни государства. Постоянно арестовывают министров, замминистров за хищения сотен миллионов долларов.

Подобная ситуация не может не влиять на народное сознание, и народ ищет выхода. Людям начинает казаться, что тогда было лучше, а про злодеяния советской власти многие уже не помнят или не знают.

Еще, конечно, важнейший момент, что русский народ при Сталине выиграл войну. Нельзя сказать, что Сталин ее выиграл, ее русский народ выиграл, но, поскольку Сталин тогда возглавлял государство, ему многое приписывается, да?

Ну да, хотя эта война одновременно является и трагедией русского народа, потому что масштаб наших потерь связан с отношением советской власти к своему народу. Сами немцы удивлялись, с какой безответственностью гнали русских солдат на верную смерть.

Суворов говорил: «воевать надо не числом, а умением». К сожалению, нельзя сказать, что этот принцип соблюдался в Отечественной войне. Никогда в истории не было такого кровопролития. Сами же знаете, какое было количество убитых и раненых! Цифры русских потерь несоизмеримы ни с какими другими.

Видите ли вы опасность в возрождении почитания Сталина?

Да, конечно, потому что я знаю сталинский режим с другой стороны, знаю, чего стоила эта деспотия. Это был настоящий геноцид, политика советской, сталинской власти была антинародной, антицерковной, антирелигиозной. Атеизм всегда бывает губительным для народа – и для культуры, и для традиционной нравственной жизни.

Государство должно быть на страже свободы граждан и охранять нравственность, а теперь по факту оказывается, что все больше предоставляется свободы для греха, для преступников, а нормы нравственности пересматриваются и отменяются. Это трагично.

Можно несколько достаточно личных вопросов? На исповедь к вам всегда толпа! Помните ли вы своих чад? Как успеваете за несколько минут услышать и сказать самое важное?

Большинство обычно исповедующихся у меня я хорошо знаю. Они приходят на исповедь достаточно регулярно. Поэтому сориентироваться, с кем как говорить, не очень трудно. С некоторыми людьми приходится говорить дольше, а многим живущим настоящей церковной жизнью не требуется подробная исповедь каждый раз, когда они хотят причаститься.

Как вы снимаете напряжение рабочего дня?

Когда я прихожу домой, меня обычно встречают внуки, бегут навстречу, радуются, что дедушка пришел. Все напряжение сразу проходит. Правда, скоро приходится снова садиться за компьютер, заниматься с электронной почтой, готовиться к следующему дню – всегда бывает много писем, документов и т.п.

Радует ли вас весна?

А почему бы она могла меня не радовать? Как может не радовать природа, красота Божьего творения? Все времена года по-своему хороши, но весна, когда вся природа оживает, расцветает, не может не радовать.

Страшна ли смерть?

Мы же знаем, что абсолютной, вечной смерти нет. Смерть – это одновременно переход или рождение в жизнь Царства Божия. Страшна поэтому не сама смерть, а греховность наша, неготовность предстать пред Богом.

А бывает, что раздражаетесь на сотрудников и как боретесь с этим?

Это нужно спросить моих сотрудников. Может быть, что раздражаюсь и не замечаю? Но вообще мне кажется, что раздражаться никогда нельзя, ни

дома, ни на работе, вообще нигде. Нет у человека такого права. Разве мы сами без греха? Господь всем нам говорит: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем».

Страшно ли вам за детей и внуков?

Боюсь, что на их время могут выпасть тяжелые испытания. Но если у них будет крепкая вера в Бога, то с Богом ничего не страшно. Знаете, как поётся в Церкви: «Господь крепость людям Своим даст»?

Как вы думаете, что нашему современному обществу может помочь снять ту озлобленность и агрессию, которой сегодня так много?

Нужно больше заботы о народе. Нужно, чтобы в каждом учреждении, в каждой организации, будь то школа, вуз – чтобы везде люди друг друга больше уважали и больше любили, чтобы было теплее жить.

Наш русский народ не избалован, неприхотлив, ему не так много надо – только не обижать его. Сейчас обида нарастает, и это очень плохо. Нужна любовь к своему народу и к своей Родине. Этой любви нужно учить и в семье, и в школе. Чем можно воспитать детей? Только любовью. Если у учителя нет любви, то это не учитель. Если у врача нет любви, это не врач. Так же и здесь – если правящий класс не любит свой народ, то рано или поздно государство развалится.

Беседовали прот. Александр Ильяшенко и Анна Данилова.